ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Десерт из каштанов

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В35

Художественное оформление серии *С. Власова*

Вернер, Елена.
В35 Десерт из каштанов / Елена Вернер. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094886-4

Джейн Доу — так в медучреждениях англоязычных стран называют неопознанных женского пола. Арсений Гаранин, завотделением реаниматологии, вспомнил об этом, когда к нему попала пациентка, личность которой установить не удалось. При виде изувеченной девушки сердце его дрогнуло, хотя он навидался всякого. Следуя внутреннему зову, мужчина решил выяснить, кто эта незнакомка с волосами цвета воронова крыла, пребывающая теперь на пороге царства Аида. И если бы не случайно найденный Арсением дневник Джейн Доу, спасти ее во второй раз ему бы не удалось...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вернер Е., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094886-4

«Жизнь, которую ты спасешь,
может оказаться моей»

Джеймс Дин,
за несколько дней до гибели

Из оранжевой тетради в синюю полоску:

«Сколько себя помню, мне всегда не давал покоя один вопрос: почему шоколад электризуется, если его натереть на терке? Что может быть более несовместимо, чем эта парочка?

Шоколад.
И электричество».

Часть первая

✸

ДЖЕЙН ДОУ

I

Ее привезли под утро. Уже рассвело, но в июне светает рано, и до конца дежурства оставалось еще несколько часов. То самое время, когда вдруг накатывает невыносимая, нечеловеческая усталость, перемешанная с ощущением пресловутой тленности бытия и бессмысленности всего сущего. Когда хочется домой и реветь — если верить Ларке. Сам Арсений, естественно, не плачет. Не та профессия. По правде сказать, Ларису Борисовскую за двенадцать лет совместной работы он тоже никогда плачущей не видел, даже когда от нее ушел муж, и то, что она когда-то призналась в желании «чуток пореветь», было настолько удивительно, что Гаранин помнит это до сих пор. Обычно все, что не касается работы, он выбрасывает из головы незамедлительно.

— Арсений Сергеич, ургентку[1] везут! — сунулась в дежурку медсестра. — Уже на подходе. Не то избиение, не то

[1] Имеется в виду ургентное состояние здоровья человека, т. е. критическое (*прим. ред.*).

столкновение с поездом. Травмы, массивное внутреннее кровотечение. Вторая операционная.

Он одним глотком допил несладкий кофе, на зубах мягко хрустнул песок кофейной гущи. Арсений не переносит растворимый кофе и всегда захватывает из дома свой, самого мелкого помола — настоящая черная мука, — чтобы заваривать кипятком прямо в чашке и пить непременно очень горячим. Компромисс качества и быстроты. Этот вкус, кисловатый и чуть жженый, еще преследовал Арсения Гаранина, пока он бегом двигался по серо-зеленому коридору, переодевался в оперблоке и перебрасывался отрывистыми фразами с хирургом, седеющим субтильным Володей Сорокиным. Гаранин любит работать с ним, у Сорокина — ловкие маленькие руки, необъяснимая «чуйка» давно оперирующего человека и незлобивый нрав. В отличие от многих других с Сорокиным не надо ни прогибаться, ни ставить себя выше — словом, обычного подспудного соперничества хирургов и анестезиологов у операционного стола здесь даже не возникает.

Сколько бы операций ни было в его прошлом, сколько бы опыта он ни накапливал, Гаранину всегда в первую минуту не по себе рядом с лежащим на столе пациентом. Это не опасения сделать что-то не так, не страх за жизнь больного и не дурное предчувствие, конечно, — этому даже определения-то нет. Просто тугой холодный комок в животе, и челюсти сводит, как от озноба или зевоты. Сей-

час это чувство было даже сильнее обычного. Но времени обращать на это внимание нет.

— Женщина, около двадцати пяти, вес 52, рост 171. Найдена без сознания на железнодорожной насыпи. В «Скорой» сердце встало. Запустили. Переломы костей лица, закрытая травма черепа, множественные ранения головы, желудочковая тахикардия, давление 90 на 50 и падает, пульс 130. Внутреннее кровотечение в брюшной полости. Перелом большеберцовой кости, правая нога.

— Общий анализ крови. Готовьте эритроцитную массу на переливание, — буркнул Сорокин. — И Лискунову звоните. Быстро.

Женщина? Да, пожалуй. Гаранин бегло и хватко оглядел распластанное перед ним тело. Смешение синего, белого и красного, и все эти цвета неприятны, мертвенны, каждый по-своему. Несмотря на то, что мониторы фиксировали признаки жизни, это было не тело, а почти останки. Ссадины, кровь, а вместо лица... Черт.

Кажется, он выругался вслух, потому что Сорокин бросил на него острый взгляд поверх маски. Медсестра продолжила:

— Судя по всему, жертва избиения и изнасилования.

— Ощущение, что и то и другое сделали грузовиком, — пробормотал Сорокин.

— А при чем тут поезд? Мне говорили, столкновение с поездом.

— Нашли на насыпи.

Гаранин дал наркоз.

Весь следующий день, отсыпаясь, он то и дело выныривал из потного сна, путаясь в мокрых простынях, и ему чудились волосы неизвестной женщины. Блестящие плети, кое-где залитые бурой густой смолой уже свернувшейся крови. Кажется, он слышал, как одна из ассистировавших медсестер шепнула другой:

— Какие волосы-то хорошие у девчонки... Жалко.

Черные волосы. Самые черные из всех, что Гаранину приходилось видеть, с синим отблеском, но некрашеные — он почему-то понял это сразу. Такого цвета бывают перья на шее у лесных воронов или грачей. Их сбрили подчистую, а по поводу черепно-мозговой пришлось вызывать бригаду нейрохирургов во главе с Лискуновым. «Снявши голову, по волосам не плачут», — вертелась и путалась в мыслях старая бестолковая поговорка, вызывая раздражение и тоску. Сейчас эти великолепные волосы наверняка покоятся в одном из мешков с хирургическими отходами.

На этой операции Гаранину стало плохо. Такое с ним впервые. Нет, во второй раз, чуть не забыл: однажды, на третьем курсе, всю группу водили в перевязочную посмотреть на вскрытие флегмоны. Он был не единственным, кто отключился прямо в перевязочной, но отец, профессор Сергей Арнольдович Гаранин, узнав о позорном фиаско сына, вздохнул разочарованно:

— Не выйдет из тебя ничего путного...

Десерт из каштанов

Однако в сознательной врачебной жизни с ним такое впервые. Всему виной непереносимая духота в операционной — опять сэкономили на кондиционере... А ведь им, стоящим вокруг стола, приходится едва ли не подпирать своими затылками лампы, отрегулированные оперирующим хирургом. Чувствуя, что уже поплыл и вот-вот потеряет сознание, Гаранин отошел от стола и прикрыл глаза. Кожу прошибла испарина, липкая, кислая, пальцы похолодели и мелко вибрировали, к горлу подступал давешний кофе.

— Светлана Юрьевна, — обратился он к медсестре сипло. — Попить дайте.

За сорок лет жизни, из которых детские годы он провел в окружении родителей-медиков, а взрослые — в мединституте, больнице и военном госпитале на Кавказе, Гаранин научился держать себя в руках. Вот и сейчас приказал себе вернуться к столу и делать свою работу. Не хватало еще, чтобы из-за его унизительного недомогания что-то на операции пошло не так. Эта несчастная женщина, больше похожая сейчас на раздавленную велосипедным колесом лягушку, явно заслуживает лучшего. После того, что пережило это тело, ей должны бы проститься все грехи. Вот только он и Сорокин делают все возможное, чтобы ангелы не уволокли ее в рай прямо сейчас...

Пробуждение оказалось ударным. Гаранин сел на постели рывком, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце, и только после этого открыл глаза. Его тело было готово к

бою, к бегу, к обороне, напряженное в каждой клеточке, суставе и мышце. И только несколько мгновений спустя, окончательно придя в себя после бредового сна, он понял, что биться ему не с кем и бежать тоже некуда. Он дома, в кои-то веки дома, и, если верить старинным часам, сумрачно перебирающим паучьими лапками стрелок, у него еще целый час до петушиного крика будильника.

С тех пор как два года назад его назначили завотделением реанимации, Гаранин почти не бывает дома. Постоянно засиживается допоздна в своем кабинете, ставя подписи в бесконечной череде выписок, графиков, табелей, распоряжений, уведомлений, должностных инструкций и отчетов. Или обходит вверенную ему территорию, наведывается к больным, следит исподтишка за медсестрами и врачами, делая выводы об их работе и душевном состоянии (моральный настрой тут очень важен). Спорит с начальством, пытаясь выбить современную потолочную консоль, дополнительные медикаменты, инструменты и бог знает что еще. Больница постоянно испытывает острую нужду в чем-нибудь, а его отделение особенно, хотя оно и так самое затратное из всех. Не потому, что тут одни транжиры, а потому, что здесь балансируют на грани жизни и смерти, и эта черная эквилибристика влетает в копеечку. Частенько Гаранин остается ночевать на работе, прикорнув на диване и укрывшись с головой худым колючим шерстяным одеялом, которое в обычное время лежит в шкафу на верхней полке. Не то чтобы это было необходимо — скорее, ему

не нравится альтернатива долго трястись в трамвае, топать через парк, подниматься по лестнице на верхний, третий, этаж и заходить в пустую темную квартиру, где его никто не ждет. Больше не ждет.

Прошло около двух лет, а он все ловит себя на том, что пытается услышать ее шаги, уловить ее запах. Когда он приходил, Ирина почти всегда была дома, выходила из дальней комнаты с книгой в руках и шалью на плечах или выглядывала из кухни, откуда волнами накатывали запахи пряностей, уксуса, горячего варенья, жареного лука, гречневого супа... У нее была особая улыбка, небыстрая, словно жена не сразу узнавала его, выплывая из морока собственной задумчивости, и по мере узнавания улыбка становилась все шире. Теперь ему этого не хватает. Квартира тихая, прохладная, всегда с одним и тем же запахом: на стене прихожей висит большой сухой венок из листьев лавра и эвкалипта, который они привезли из последнего совместного отпуска. Ездили в Грецию... Этот трескучий островатый аромат не терял своей силы с течением времени, им пропахла одежда на вешалке и полотняная штора, закрывающая стеллаж с книгами. Он напоминает об Ирине и архипелаге в Эгейском море, так же как напоминают о них голубые стены и белый потертый комод. Вот только в отличие от воспоминаний, перелитых средиземноморским солнцем, словно оливковым маслом, настоящее Гаранина сухо, сумрачно и холодно, как этот венок на стене.

У него нет даже домашнего питомца, который встречал бы вечером, потираясь спиной об угол или виляя хвостом от радости. Нет кошки и собаки — это лишняя ответственность, а у него и так этого добра хватает. Даже цветы, которые Ирина растила в горшках и кадках, он перевез потом в больницу, в холл. Там их хоть кто-то видит: медсестры, больные... Может, кому-то эти цветы поднимут настроение. Сам-то он за цветами ухаживать не умеет, как-то загубил один (название, конечно, выпало из памяти, потому что совершенно не пригодится в работе) и расстроился намного сильнее, чем от себя ожидал. Решил, что лучше и вовсе избавиться от этих зеленых обормотов в горшках. Так что теперь их Вера Ромашова обихаживает. Или кто-то из санитарок, точно Арсений не в курсе.

Чувствуя, как медленно и неохотно отступает дремота, он почистил зубы, поплескал в лицо холодной водой, зашнуровал кроссовки и спустился по лестнице. Жара еще не успела разойтись, из-под балконов и из темных дворовых углов тянуло ночной влагой, хотя небо уже наливалось белесым зноем.

Гаранин бежал по парку, ощущая, как ступни упруго встречаются с вытоптанной землей тропинки: хлоп, хлоп, хлоп. Футболка на спине промокла и липла меж лопаток. Он всегда бежит не по мощеной дорожке, а по грунтовой: бережет коленные суставы. Руки работают, как поршни, вперед-назад, кровь по венам струится быстрее, на лбу выступает пот, грудь вздымается от разворачивающихся в

полную силу легких. Этот непременный утренний моцион проводится уже давно, чтобы окончательно проснуться и привести организм и мысли в порядок. За эти сорок семь минут Арсений успевает прокрутить в голове вчерашний день, упорядочить его, составить список дел на сегодня, вспомнить имена больных, их диагнозы, назначения. Иногда во время пробежки у него наступает озарение, вдруг вспоминается упущенная накануне в суматохе деталь, оброненное замечание, которое теперь вдруг встает на место и позволяет сделать важный вывод. Например, как на той неделе, когда он не сразу заметил чересчур тревожное состояние пожилой пациентки, и только на третьем круге вдруг осенило, что ее тревога — это симптом. К счастью, очень вовремя осенило.

Сегодня он думал о неизвестной с черными волосами. Об операции.

Из-за сильного отека они сообща приняли решение держать ее пока в медикаментозном сне, чтобы снизить возможность повреждений. Когда операция завершилась, в холле, как раз в окружении комнатных растений, когда-то росших у него дома, Арсения уже дожидался полицейский. Наверное, этот тучный человек с темными кругами под глазами просидел здесь не один час и уже потерял всякое терпение, судя по тому, как проворно и раздраженно он рванулся навстречу врачу. Капитан, разглядел Гаранин погоны. Приближаясь к посетителю неспешным шагом, он привычно составлял портрет незнакомого пока